

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И РИТОРИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ СУЩНОСТНЫХ ЧЕРТ ТОТАЛИТАРНОГО СОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКОГО «НОВОЯЗА»)

Зильберт Б. А.

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная консерватория (академия) им. Л.В.Собинова». Саратов, Россия (410012, Саратов, пр. Кирова,1), доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории исполнительства и музыкальной педагогики, e-mail: kamoregor@mail.ru

В статье рассматриваются психологические и социальные аспекты советского «новояза» с позиций типологии речевых форм. Широко использованы методологии лингвистики, общей теории информации, психологии, теории культуры. Автор выявляет основные речевые принципы, отражающие ментальность тоталитарной культуры. В их числе – самостоятельные семантические сферы «отрицаемого» и «признаваемого», наличие нескольких уровней оценочности («хулительной, поощрительной и нейтральной»), эвфемизмы и перифразы, вносящие в языковую практику элемент «табуированности». Слова нейтральной группы (неоценочные) очищаются от «нежелательных» значений путем расщепления их семантики по принципу поляризации. Специфика советской риторики заключена в доминирование эмоционального аспекта над логическим. В статье проводятся аналогии между новоязом как «языком маскировки» – и языковыми универсалиями других тоталитарных режимов. Анализируются речевые контексты тоталитарного мышления, уточняется специфика «языковой личности» в истории.

Ключевые слова: «новояз», тоталитарное сознание, риторика, семантические сферы, языковая личность.

LINGUISTIC AND RHETORICAL EQUIVALENTS OF THE ESSENTIAL FEATURES OF THE TOTALITARIAN CONSCIOUSNESS (ON THE EXAMPLE OF THE SOVIET «NEWSPEAK»)

Zilbert B. A.

FGBOU VPO «Saratovskajagosudarstvennajakonservatorija (akademija) im. L.V.Sobinova». Saratov, Rossija (410012, Saratov, pr. Kirova,1), doktorfilologoeheskihnauk, professor kafedry istorii I teorii ispolnitelstva I musikalnoi pedagogiki, e-mail: kamoregor@mail.ru

The article deals with the psychological and social aspects of the Soviet «Newspeak» from the positions of the typology of speech forms. Widely used methodology of linguistics, General theory of information, psychology, theory of culture. The author reveals the main speech principles that reflect the mentality of the totalitarian culture. Among them - the independent semantic sphere «отрицаемого» and «recognised», the existence of several levels of assessment («condemnatory, incentive and neutral»), euphemisms and paraphrases, contributing in language practice element «taboo». Word of the neutral group (neotsenochnye) are cleared from the "undesirable" values by splitting their semantics on the basis of polarization. Specificity of Soviet rhetoric lies in the dominance of the emotional aspect of the logical. The article carried the analogy between the Newspeak as "masking language" - and language universaliamy other totalitarian regimes. Analyzed speech contexts of totalitarian thinking, specifies the specificity of the «language person» in history.

Keywords: newspeak, the totalitarian consciousness, rhetoric, semantic sphere, linguistic personality.

Существуют две основных модели легальной политической культуры: тоталитарная и демократическая. Нам не удалось найти в научной литературе исчерпывающих определений тоталитаризма. На наш взгляд, сущностными особенностями тоталитарной модели являются:

1. Безраздельное господство непогрешимой общегосударственной официальной идеологии во всех сферах жизни.

2. Монополизация государственной власти одной партией, точнее ее лидером и узким кругом приближенных к вождю лиц; сращивание партаппарата с госаппаратом.
3. Неправовое государство; роль норм права резко уменьшена.
4. "Огосударствление" общества: централизованное административно-командное по методам управления всеми формами культуры, политический надзор над частной жизнью.
5. Превосходство интересов коллектива (класса, нации, государства) над индивидуальными правами человека, подчинение личности коллективу.
6. Полное торжество политики над экономикой; насильственные неэкономические методы управления обществом. Как следствие – экономический застой и милитаризация экономики.
7. Абсолютный жесткий контроль над системой средств массовой информации, цензура в целях тотального контроля поведения и мышления людей, наказание за инакомыслие.

Однако и здесь, среди тоталитарных государств, СССР отличался. По словам Николая Бердяева, советское государство было «единственным в мире последовательным, до конца доведенным тоталитарным государством». Специфика «нашего» тоталитаризма состояла, в частности, в полной бесструктурности общества, предъявляемой остальному миру как якобы достижение («новая историческая общность людей – советский народ», тот народ, который сам стал называть себя «совком»).

Поэтому и масштабы речевого и риторического воздействия тоталитарной системы на языковую личность в нашей стране оказались особенно впечатляющими и донныне это влияние не преодолено. Первыми, кто замечательно предвидел и описал характер этого воздействия, были, однако, не лингвисты (они сами оказались в плену тоталитарной риторики, называвшей наше общество «самым демократичным в мире»), а писатели. Это были Евг. Замятин (роман «Мы» в начале 20-х годов) и английский публицист и эссеист Джордж Оруэлл (роман в жанре антиутопии «1984», написанный в 1948 году, и эссе разных лет). Оруэлл написал послесловие к своей антиутопии, назвав его «О новоязе». С тех пор придуманный им термин «newspeak» (новояз) стал терминологическим названием для речевых реализаций основных особенностей тоталитаризма.

«Новояз» является инструментом внедрения тоталитарной культуры как в государственную практику, так и в повседневную жизнь. Он делает трудным, если не невозможным, выражение любых других форм мысли. Следует однако сказать, что «новояз» обозначает не самодостаточный «новый советский язык», а лишь изменения важных фрагментов системы русского языка, то есть существенные деформации языковой системы, возникшие в результате массового речевого воспроизведения.

Далее мы попытаемся связать некоторые характеристики тоталитарного сознания с формами их выражения в языке:

а) Важнейшая идеологема тоталитарного сознания – «мир прост по своей природе» – обусловила редукцию всей сложности, многообразия и полноты реальной действительности к единому «партийному» знаменателю, крайний схематизм, приводящий к черно-белому подходу ко всем событиям в мире. На российской почве крайний схематизм накладывался на основополагающий тезис классовой борьбы. В лексико-семантической системе языка это приводило к отчетливой поляризации тезауруса, в текстах создавались две полярные семантико-стилистические сферы – «отрицаемое» и «признаваемое».

Структурное различие последних осуществлялось тремя группами лексики, различавшимися по характеру оценочности: хулительной, поощрительной и нейтральной. Схематизм проявлялся здесь в отсутствии каких-либо переходных форм между группами. Хулительная и нейтральная группы использовались в сфере «отрицаемое», поощрительная и нейтральная - в сфере «признаваемое». Для еще большего усиления степени оценочности к оценочным существительным давались определения с негативным (позитивным) денотатом, такого рода сочетания перерастали в тоталитарные штампы типа: «загнивающий капитализм», «прогнивший насквозь буржуазный строй», «звериная алчная природа капитала» или «светлое будущее коммунизма».

Слова нейтральной группы (неоценочные) очищались от «нежелательных» значений путем расщепления их семантики по принципу поляризации, к ним прикреплялись полярные по оценочности эпитеты: гнилая (либо: трудовая) интеллигенция, абстрактный (либо: социалистический) гуманизм, буржуазная (либо: социалистическая) демократия.

Носитель «новояза» обретал как бы категориальную идеологически-ценностную сеть, через которую и воспринимал действительность.

б) Террор и страх при тоталитарном режиме были не только инструментом уничтожения и запугивания, но и повседневно-нормальным инструментом управления

массах. С этим связано возникновение одной из главных характеристик тоталитарной ментальности – заговорщического комплекса, включающего образ замаскированного и коварного врага повсюду, постоянную готовность к конфликту, подавлению любого инакомыслия. Культивировалась и воспроизводилась атмосфера гражданской войны, милитаризованное ощущение жизни.

В языке: небывалая по масштабам экспансия военной лексики и фразеологии.

в) Массовые расстрелы, убийства, смерти в концлагерях ГУЛАГа (достаточно сказать, что общее число жертв сталинизма среди своего собственного народа превысило число погибших во время Великой Отечественной войны) сопровождалось появлением эвфемизмов и перифраз – наименований понятий, связанных с насильственной смертью, в качестве камуфляжа массовых террористических актов, вообще любых неправовых действий. Например: смертную казнь называли «высшая мера социальной защиты» (впоследствии – «высшая мера»), тюрьму – «воспитательное учреждение», превентивные аресты и расстрелы – «социальная профилактика». Для обозначения убийств возникли даже синонимические ряды эвфемистических глаголов – «хлопнуть, угробить, списать в расход» и др. (см. стихотворение М. Волошина «Терминология»).

Следует заметить, что этот «язык маскировки» стал затем языковой универсалией других тоталитарных режимов. В немецком языке времен третьего рейха нацисты разработали с немецкой тщательностью специальный чиновничий жаргон для нужд режима. В этом жаргоне особое место занимали эвфемизмы, связанные с массовыми убийствами евреев. Для сокрытия катастрофы европейского еврейства нацисты использовали маскировочную терминологию в таких количествах, что можно говорить о возникновении в этой связи целого кодированного «языка». План тотального истребления евреев был назван «окончательное решение еврейского вопроса» («Endlösung»). Примеры других немецких слов, обозначавших уничтожение евреев: *Gesamtlösung* (общее решение), *Arbeitsansatz* (участие в работах), *Umsiedlung* (переселение), *Sonderbehandlung* (особое обращение), *Abwanderung* (выезд), *Ausscheidung* (выделение) и др. Все эти «термины» употреблялись как в устных выступлениях лидеров, так и в документах. Однажды на публике Геббельс, намереваясь сказать «удаление евреев» (*Ausschaltung*), оговорился и произнес «уничтожение» (*Vernichtung*), но затем сразу же поправил себя.

г) Символы «новояза» – сокращенные слова и аббревиатуры. Здесь нет прямой зависимости от каких-либо конкретных свойств тоталитарной ментальности, однако именно она инициировала и ускоряла создание сокращений в небывалых количествах. Играли роль

такие факторы, как заорганизованность всех сфер жизни, своеобразная «игра» должностных лиц – «главначпупсов»¹, создававших аббревиатуры в качестве таинственных химер для простых людей, усиливавших их трепет перед властью. Вместе с тем преследовалась цель – отсечь «нежелательные» смысловые лексические ассоциации после сокращения значимых корней (сексот – секретный сотрудник, осведомитель КГБ-НКВД; шкраб – школьный работник, рабис – работник искусств, коминтерн, колхоз, комсомол и др.), чтобы «сделать речь по возможности независимой от сознания» (Дж. Оруэлл).

д) Основная тональность текстов масс-медиа периода «новояза» – возвышенно-торжественная, если речь шла о героизируемой нашей действительности. Этот факт отражает специфику советской риторики – доминирование пафоса (эмоционального аспекта) над логосом (логическим аспектом). Причина – семантико-логическая ущербность марксистско-ленинской топики как основания рассуждения и аргументов. В силу догматизма и принудительной партийности топосы («общие места»), обычно проверенные всем историческим опытом людей и поэтому истинные, фактически заменялись предрассудками, заблуждениями, временно разделяемыми большинством людей.

В языке доминирование пафоса проявлялось в резком увеличении оценочности нейтральной лексики (см. выше) и в экспансии суперлятивов, заменивших обычные определения: «великий», грандиозный, колоссальный, небывалый. Любой праздник мы встречали «в обстановке небывалого творческого (или трудового) подъема»; заметим, что при таком употреблении выхолащивается семантика слова «небывалый». Дальнейшая эволюция в этом направлении привела к засилью лозунгов, фокусируя навязываемые обществу социальные ориентиры в торжественно-фанфарном оформлении. Родился уникальный газетный жанр «Призывы ЦК КПСС», возвращающий нас к тому, с чего мы начинали, – схематизму тоталитарного сознания.

После краткого периода горбачевской «перестройки» в России возникает посттоталитарное общество. Казалось бы, тоталитарный «новояз» с его канцеляритом, языковыми штампами, ханжеским «пуританством» должен уступить свое место новому состоянию языка с деформациями явно противоположного свойства (как-то: расширение границ языкового стандарта, размытость и вариативность норм, неуёмное обновление средств выражения).

¹ Главначпупс – «главный начальник по управлению согласования» – персонаж сатирической пьесы В. В. Маяковского «Баня» (1929).

Однако старый «новояз» приспособился к социальным трансформациям. Глубинный слой тоталитарного сознания у многих групп говорящих сохранился целиком, у других – оставил глубокий след в виде максимального сглаживания личностного начала, расплывчатости до степени полиамбивалентной интерпретации (Ю. Н. Караулов). Даже поверхностные проявления тоталитарной ментальности живут в виде набора штампов как приметы уже нашей эпохи, в виде агрессивной некомпетентности, черпающей знания из масс-медиа. Языковые основы «новояза» все еще тормозят развитие новой политической культуры, нарождающегося демократического общества (например, в парламентской речи), сохраняя и благословляя застарелые стереотипы мысли.

Список литературы

1. Замятин Е. Мы (1920) // Знамя. – 1988. – N 5, 6.
2. Караулов Ю. Н. «Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический и культурный плюрализм» [Электронный ресурс] URL: http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=107 (дата обращения 20.05.2012).
3. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М., 1989. – С.3-8.
4. Михман Дан. Катастрофа европейского еврейства: Истребление евреев. Нацистская индустрия смерти. – Открытый университет Израиля. – Тель-Авив, 1995. – С. 159.
5. Оруэлл Дж. 1984. – СПб: Азбука, 2003. – 320 с.
6. Оруэлл Дж. Литература и тоталитаризм (пер. А. Зверева) // Дж. Оруэлл Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии. – М.: Московская школа политических исследований, 2003. – С. 166-170.
7. Фромм Э. Комментарии к "1984" // Оруэлл Дж. 1984. – СПб.: Азбука, 2003. – 320 с.
8. Чаликов В. А. Джордж Оруэлл: Автобиографическая заметка. – М.: Прогресс, 1989.

Рецензенты:

Елина Евгения Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов.

Консон Григорий Рафаэлевич, доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой истории и теории исполнительского искусства, заместитель по научной работе декана факультета ММК ГКА имени Маймонида, г. Москва.